

Директор благотворительного вечера в полной панике метался за кулисами, судорожно прижимая к уху телефон:

- Дело вовсе не в том, что мы не ценим этот благородный жест, просто масштаб подобного вклада слишком велик...

- Если... если мы действительно выставим эту вещь на нашем мероприятии, что делать остальным участникам? Что в итоге напишут в СМИ? «Один-единственный лот Ши Цзяня перевесил всё остальное»? Остальным гостям будет слишком неловко, они просто почувствуют себя ничтожными... Пожалуйста, умоляю вас, попробуйте договориться с ним ещё раз!

- Понятия не имею, кому вообще пришло в голову притащить на такой аукцион экспонат из галереи «Наследие», - раздался другой голос. - Организаторы в настоящей панике, они всерьёз боятся, что не потянут такой уровень. И кто только мог это придумать? Потом ведь сплетни поползут, и их уже не остановишь...

- Кто знает? - в ответ раздался приглушённый, ироничный смешок. - Когда галерея «Наследие» вообще оставалась без внимания публики? Боюсь, в этот раз всё было сделано намеренно. Воспользоваться попутным ветром в лице популярного артиста, чтобы раздуть громкий скандал - это просто отличный способ поднять рейтинг.

- Использовать столь дорогую вещь лишь для того, чтобы продвинуть одного человека? - задумчиво произнёс собеседник. - Если что-то пойдёт не так, как бы господин Чу не потерял лицо вместе с ним.

- К тому же, кто в здравом уме сможет выкупить лот за два миллиона? В итоге все присутствующие в зале окажутся в крайне неловком положении. А когда новость дойдёт до СМИ, публика снова начнёт поливать грязью всех подряд, обвиняя в том, что они наживаются на нечестных деньгах. В общем, переполошат всех, и никому не будет покоя!

Тот, кто искал уединения, так и не обрёл желаемого покоя.

За углом террасы Ши Цзянь стоял неподвижно и молча слушал доносившиеся следом обрывки этого тревожного разговора.

Голоса постепенно стихли - видимо, собеседники наконец выговорились и закончили свою дискуссию.

Прохладный ночной ветер пронёсся мимо, словно отсекая весь шум и суету, оставшиеся позади.

Ши Цзянь прислонился спиной к холодной стене и задумчиво посмотрел в глубокое ночное небо.

Его пальцы бессознательно поглаживали ладонь, и в голове внезапно возник вопрос, о котором он за всё время никогда всерьёз не задумывался: сколько же у него на самом деле денег?

Столько лет он совершенно не интересовался этим вопросом, да и подходящих поводов тратить средства почти не было.

Когда находишься рядом с таким человеком, как Чу Юнь, сама фраза «беспокоиться о деньгах» звучит нелепо и даже почти кощунственно.

Всё, что у него было, дал ему Чу Юнь, а всё имущество, которое было официально записано на его имя, фактически также числилось за Чу Юнем.

Называть свои скромные сбережения «имуществом» в присутствии Чу Юня было даже как-то неловко, почти стыдно.

Он прекрасно знал, что этот мизерный доход для Чу Юня не имеет равным счётом никакого значения.

Если уж считать по-честному, то на свои собственные деньги Ши Цзянь не смог бы содержать господина и недели... хотя, пожалуй, это было слишком оптимистично. Может, день или два, кто знает.

Но Ши Цзянь давно привык к тому, что Сюй Ван переводил каждую заработанную им копейку прямо на счёт Чу Юня. У него не было по этому поводу никаких особых мыслей или сомнений – это казалось чем-то естественным и само собой разумеющимся.

Он всерьёз задумался об аукционе.

Если действительно заменить тот дорогостоящий лот из галереи «Наследие», сколько он сможет потянуть своими собственными силами?

Впервые в жизни он принялся тщательно и скрупулёзно подсчитывать свои накопления.

Точной суммы на счету он не знал, да и Чу Юнь никогда не давал ему в руки по-настоящему крупных сумм.

Но тысяч двести-триста... он должен был наскрести.

Если хорошенько стиснуть зубы и сэкономить, может, удастся собрать и пятьсот тысяч. А если этого всё равно не хватит, попросить у Чу Юня в долг... наверное... тоже можно?

Уголки его губ дрогнули в слабой улыбке, полной невыразимой горечи.

Но это нужно было сделать.

- Брат Сюй, я хочу заменить лот. Да, он со мной, в машине, - произнёс он.

Впервые Ши Цзянь мягко, но абсолютно твёрдо отверг все уговоры Сюй Вана.

- Я настаиваю, - отрезал он.

Мощные прожекторы сфокусировались на аукционном помосте, заливая его ярким светом.

- Уважаемые гости, ежегодный благотворительный аукцион «Звездная ночь искусства» объявляется открытым! – торжественно провозгласил ведущий. – Все средства, собранные сегодня вечером, пойдут на развитие художественного образования и оказание медицинской помощи детям из самых отдалённых регионов. Давайте с помощью нашей общей доброты и любви создадим для них лучшее будущее.

Аукционист профессионально и уверенно представлял каждый лот:

- Первый лот – лимитированное кольцо Альгамбра с четырёхлистником, начальная цена составляет сто тысяч.

Торги шли весьма оживлённо, и в итоге лот успешно ушёл с молотка за двести пятьдесят тысяч.

Последующие лоты продавались так же гладко, суммы сделок варьировались от ста до четырёхсот тысяч, и атмосфера в зале стала именно такой, какой её и ожидали организаторы – тёплой, светской и непринуждённой.

- Следующий лот предоставлен господином Ши Цзянем... – аукционист едва заметно запнулся, на мгновение потеряв уверенность.

В зале одновременно воцарилась абсолютная тишина, и все взгляды мгновенно устремились к сцене.

Под холодным светом ламп, внутри прозрачного акрилового защитного колпака, на дорогой бархатной подложке лежала лишь грубо вырезанная деревянная фигурка оленёнка.

Оленёнок выглядел по-детски неуклюже, и с первого же взгляда было совершенно ясно, что это работа ребёнка.

Воздух в помещении замер на мгновение, а затем по рядам пополз недоумённый шёпот.

Сидевший в первом ряду Чэнь Линьфэн слегка приподнял бровь, и уголки его губ тронула лёгкая, пренебрежительная усмешка.

Стоявший рядом с ним Чан Фэй прошептал:

- А я-то наивно думал, что он принесёт что-то такое, что потрясёт весь зал. Вкус у него... весьма своеобразный.

Кто-то рядом тихо поддакнул:

- Интересно, из-под чьей «великой руки» вышло это чудо.

Раздались резкие, сухие звуки затворов камер.

Ши Цзянь не обращал на это никакого внимания, он лишь молча и терпеливо ждал начала торгов. Он был готов отдать все свои сбережения до последнего цента, чтобы выкупить этот детский подарок.

Весь этот шум и возникшая неловкость были досадными, но вторичными. Ши Цзянь опустил глаза, и его мысли унеслись далеко прочь, к тому маленькому кустику дождевой лилии дома, который нужно было обязательно рассадить.

Ведущий прервал затянувшуюся паузу и добросовестно пояснил:

- Эта деревянная поделка ручной работы была сделана ребёнком из реабилитационного центра фонда «Сказка». Господин Ши Цзянь получил этот подарок, полный жизненной силы, во время своего визита. Сегодня вечером он решил пожертвовать этот дар, символизирующий «надежду» и «стойкость». Начальная цена – один юань. Мы искренне надеемся, что истинная ценность этого жеста будет определена вашей добротой.

Чэнь Линьфэн тихо, почти неслышно усмехнулся.

Молодой человек, сидевший рядом с ним, пробормотал:

- Какая нищета...

Ши Цзянь медленно провёл пальцами по краю своей аукционной таблички.

- Итак, начинаем торги. Есть желающие сделать первую ставку?

В зале снова повисла тяжёлая тишина. Многие гости молча обменивались недоумёнными взглядами, изредка доносился приглушённый шёпот.

Ши Цзянь внезапно очнулся от своих раздумий.

Возможно, он едва слышно прошептал про себя имя Чу Юня, прежде чем окончательно решиться на следующий шаг.

Он медленно, но уверенно поднял табличку и назвал цифру, которую уже успел тщательно обдумать:

- Пятьсот тысяч.

Он привычно приподнял уголки губ, скрывая за этой сдержанной, почти незаметной улыбкой ледяной холод, затаившийся в самой глубине его глаз.

Пятьсот тысяч...

Все присутствующие в зале были совершенно ошеломлены, не понимая до конца, что всё это значит и какой смысл в такую ставку. Ведущий на мгновение замер, потеряв дар речи.

Мягкий, но в то же время абсолютно твёрдый голос Ши Цзяня прозвучал снова, подтверждая его намерение:

- Пятьсот тысяч.

- Пятьсот тысяч - раз, пятьсот тысяч - два... - начал было аукционист.

Однако прежде чем молоток успел опуститься и зафиксировать сделку, двери банкетного зала бесцеремонно и громко распахнулись.

- Три миллиона!

Ли Чжися стоял в дверях, высоко и уверенно подняв табличку. Стало совершенно очевидно, что ставка сделана от имени официального представителя галереи «Наследие». Когда яркий свет прожекторов упал на него, он изо всех сил старался сохранять внешнее спокойствие, поспешно поправляя сбившуюся от быстрого бега одежду.

Шум в зале мгновенно стих, сменившись напряжённым ожиданием. Все как один обернулись, и атмосфера в помещении стала странной, почти наэлектризованной.

Ши Цзянь в изумлении посмотрел в ту сторону и увидел, что Чу Юнь уже вошёл в зал - такой же холодный, недостижимый и величественный, как и всегда.

- Опоздать на благотворительный вечер - значит, нужно проявить хоть немного искренности, - произнёс он.

Чу Юнь сделал небольшой крюк и прошёл как раз мимо Ши Цзяня, окутав его своим знакомым, едва уловимым тонким ароматом. Пола его безупречного пиджака случайно задела руку Ши Цзяня, заставив того невольно прижать ладонь к этому месту, а взгляд его, словно примагнитенный, проследил за мужчиной до самой сцены.

- Раз уж мы сегодня занимаемся благотворительностью, то десять или двадцать тысяч - это слишком мелко, - с легкой улыбкой произнес Чу Юнь. - Три миллиона - это сущий пустяк, так что будем считать эту сумму штрафом за моё опоздание.

Неизвестно, была ли эта фраза проявлением самоиронии или тонкой насмешкой, но многие присутствующие в зале невольно почувствовали себя задетыми и принижёнными.

В наушник ведущего поступило резкое и безапелляционное указание, и он трижды прокричал цену, поспешно опустив молоток.

- Продано! Поздравляем господина Чу Юня!

Чу Юнь неспешно, с присущим ему достоинством поднялся на сцену:

- Вы не против, если я сразу заберу то, что теперь принадлежит мне?

Получив разрешение, он взял в руки деревянную фигурку.

- Я узнал эту работу, она сделана ребёнком, которому помогает наш фонд, - сказал он, мягко улыбаясь и обводя внимательным взглядом весь зал. - Сегодня она снова была выставлена на благотворительный аукцион, что говорит о том, что у дарителя схожие со мной взгляды. Конечно, эта деревяшка не стоит трёх миллионов, но она является символом цикла доброты.

Он повернулся. У Ши Цзяня в этот миг ёкнуло сердце - он не был уверен, упал ли взгляд Чу Юня на него или нет.

- Благотворительность должна течь непрерывным потоком, пробуждая одно доброе дело другим, - продолжал он.

Всё вокруг для Ши Цзяня словно расплывалось, и только лицо и уверенный голос Чу Юня оставались предельно чёткими.

- Это и есть та самая суть благотворительности, которую я признаю.

Весь зал замер в глубоком молчании, а затем постепенно раздались аплодисменты. В отличие от недавнего оживления, в них теперь явно чувствовалось нечто более сложное и неоднозначное.

Ши Цзянь сжал своё обнажённое запястье, с горечью вспомнив, что браслет так и не вернулся на своё место. Он не улыбнулся, лишь в очередной раз с грустью осознал, что, пытаясь избежать лишних неприятностей для Чу Юня, он снова доставил ему дополнительные хлопоты.

Когда всё закончилось, Ши Цзянь молча направился к выходу, колеблясь и не зная, стоит ли ему ждать Чу Юня.

- Господин Ши, подождите, - кто-то внезапно преградил ему путь.

Голос показался ему смутно знакомым. Ши Цзянь машинально поднял голову и замер, узнав человека, который совсем недавно обсуждал его на террасе. Это был помощник Чэнь Линьфэна.

Сам Чэнь Линьфэн в тёмных очках, в сопровождении своего агента и помощника, встал прямо перед ним, фальшиво улыбаясь уголками губ:

- Привет, Ши Цзянь? Приятно познакомиться, я много о вас слышан. Мы теперь коллеги, так что будем общаться чаще.

Эта наигранная, излишне любезная манера была довольно забавной, но Ши Цзянь не был из тех, кто мог улыбаться каждому встречному.

- Господин, - позвал Ли Чжися.

Чэнь Линьфэн, решив, что обращаются именно к нему, обернулся и улыбнулся ещё шире:

- А, помощник Ли.

Не успели они закончить свою пустую светскую беседу, как в разговор вмешался холодный, пробирающий до костей голос:

- Как тебя зовут?

Все обернулись и увидели, что Чу Юнь уже стоит позади них. Чэнь Линьфэн сначала опешил, а затем не смог скрыть охватившей его радости. Услышать прямой вопрос «как тебя зовут» от такого человека - это всё равно что получить официальное приглашение в узкий круг приближённых господина Чу.

Он поспешно снял очки и с энтузиазмом протянул руку:

- Господин Чу, здравствуйте, я Чэнь Линьфэн.

- Ваш сегодняшний благородный поступок вызывает искреннее восхищение, - он продемонстрировал свою фирменную, идеально отрепетированную улыбку. - Я всегда восхищался вашим величием.

Чу Юнь равнодушно усмехнулся:

- Чжися, записал?

Ли Чжися слегка поклонился:

- Развлекательная компания Яоцзин, господин Чэнь Линьфэн.

Эта неожиданная «честь» привела Чэнь Линьфэна в полный восторг. Обычные люди, конечно, не привлекали внимания господина Чу, но этот человек - наследник корпорации Чэньхуа, он был несравним с обычными богачами.

Ши Цзянь всё это время стоял в стороне, опустив голову и крепко сжимая запястье, а затем молча ушёл. Здесь он был явно лишним.

Позже он сидел в машине, ожидая возвращения Сюй Вана, чтобы наконец поехать домой. Он так сильно сжал своё запястье, что стало по-настоящему больно, но он словно забыл разжать пальцы.

Дверь машины внезапно распахнулась. Ши Цзянь остолбенел, инстинктивно желая улыбнуться. Снаружи, облачённый в безупречный костюм, на него смотрел сверху вниз Чу Юнь.

- Кто разрешил тебе садиться сюда? - сказал он, и голос его звучал пугающе холодно. - Выходи.

Ши Цзянь замер на мгновение, а затем всё понял. Вероятно, у этой машины уже был более подходящий и важный пассажир.

<http://bllate.org/book/17941/1720618>